

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА АФАНАСЬЕВА
 преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии, Петрозаводский государственный университет; аспирант сектора языкоznания Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
anastasia20085@mail.ru

ТОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ СЯМОЗЕРЬЯ ДЛЯ НАЗЫВАНИЯ НИЗИННОГО РЕЛЬЕФА*

В образовании топонимов наиболее востребованной на фоне других семантических групп лексики является географическая терминология, в том числе характеризующая низинный рельеф. В статье рассматриваются топоосновы Сямозерья, которые отображают низинный рельеф (*Alho-*, *Alango-*, *Kurzu-*, *Uitto-*, *Iyözy-*), с целью выявления приоритетов топосистемы при выборе термина в качестве топоосновы. Параллельно решается задача языковых и этнокультурных связей Сямозерья в разное время. Для этого рассматриваются этимологические истоки терминов: среди них есть как исконные прибалтийско-финские лексемы, так и заимствования разного времени. Анализируются также ареалы и стоящие за ними этноязыковые процессы. Показано, что каждый из терминов отличается своими семантическими оттенками и возрастом, а его топонимическая активность обусловлена в значительной степени характером использования места, описываемого термином. Актуальность и новизна исследования состоят в применении ареально-типологической методики анализа топонимического материала для решения этноисторических задач. Доказывается, что Сямозерье было прочно связано с карельским Приладожьем, через территорию которого проникали и финские, и ранние русские заимствования. Источником для исследования послужили данные научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также Топонимического архива Финляндии. Активно использовались словари карельского и финского языков, как толковые, так и этимологические.

Ключевые слова: карельская топонимия, топонимные модели, ареал, Карелия, карелы-ливвики, географический термин

В исследовании топонимии важно понимание типологии именования: какая лексика используется топонимией, а какая отвергается, а также – как она встраивается в структуру названия. Универсальным для топосистем разных языков является активная роль в них географической терминологии, отражающей существующие в природе разновидности ландшафта. Исследования в области прибалтийско-финской топонимии убедительно показывают ее востребованность как в сложных, так и простых по структуре образованиях [10], [12: 38], [13: 26]. Особенно показательны простые с точки зрения структуры образования, которые нередко выражены ландшафтными терминами, находящимися на периферии языкового сознания, уже уходящими или даже ушедшими из активного использования. Такие топонимы служат источником для реконструкции утраченных лексем с ландшафтной семантикой.

В статье рассмотрены топонимы, которые образованы от географических терминов, характеризующих низинные формы ландшафта. В целом в топонимии терминология, обозначающая низинный рельеф, менее востребована, чем терминология, характеризующая возвышенный

ландшафт. Это связано с тем, что отрицательные формы рельефа играют менее существенную роль в практической деятельности, а также в ориентации на местности по сравнению с положительными, которые являются ориентирами, к ним, как правило, привязаны поселения и сельскохозяйственные угодья и т. д. В данном исследовании на обширном топонимическом материале, хранящемся в топонимической картотеке ИЯЛИ КарНЦ РАН, выявляются мотивы закрепления в географических названиях терминов низинного ландшафта.

Академический 6-томный толковый словарь карельского языка *Karjalan kielen sanakirja* (далее ККС) зафиксировал в Сямозерье до десятка терминов, характеризующих разные формы низинного рельефа. Каждый из них отличается своими семантическими оттенками. Среди них *alango* ‘ложбина, лощина, долина; сырой отлогий естественный луг на берегу озера или реки; поле, оставленное под покос’, *alandeh* ‘низина’, *alavikko* ‘низина, участок земли в ямах’, *alho* ‘болотистое место, пригодное для покоса; отдаленный покос; луг; низина’, *kurzu* ‘сырая низина, заросшая кустарником или низкорослыми

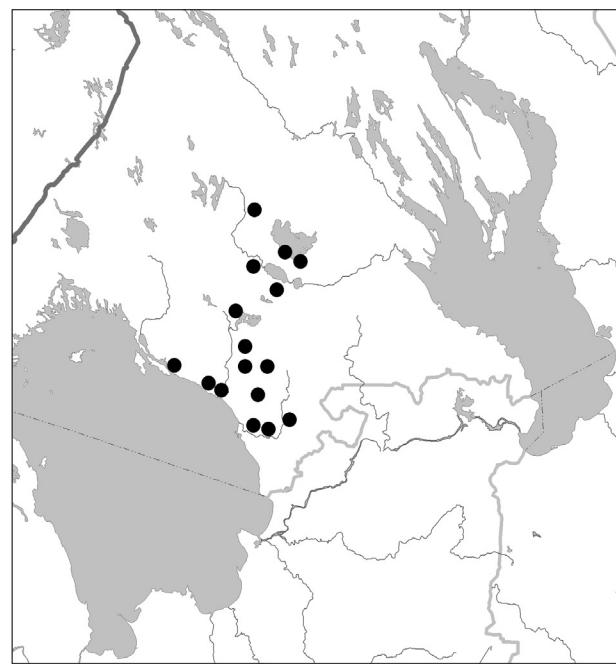
деревьями; бурелом, поросший кустарником’, *lodtu* ‘ложбина или долина между двумя возвышенностями; низина; сырое место; торфяные ямы на болоте; впадина’, *logo* ‘ложбина между возвышенностями, по дну которой в межсезонье течет ручей; низина; крупная яма’, *lyöžy* ‘топь на болоте; сырое, мягкое место; болотистое место, зарастающее осокой; лужа’, *orgo* ‘овраг; низина с водой’, *ulahtes* ‘небольшое по размеру низинное место’, *vadaikko* ‘низина (болотистая), поросшая низкорослым кустарником’ [9]. Топонимическая активность их разнится. Одни из терминов не отразились в топонимии вовсе, некоторые же оказались относительно востребованы. Для ответа на вопрос о причинах такой разницы выбрано пять ландшафтных терминов, которые рассмотрены как с точки зрения их этимологических истоков, ареального бытования в прибалтийско-финском языковом мире, так и в плане топонимического функционирования. Анализ основан на ареально-типологической методике исследования, которая разработана и активно используется на прибалтийско-финском топонимическом материале [4], [11], [12].

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ БЫТОВАНИЕ ТЕРМИНОВ *ALHO* И *ALANGO*

Апеллятив *alho* отмечен в узком ареале на собственно карельском-ливвиковском пограничье: в севернокарельском говоре Суйстамо и двух ливвиковских – салминском и видлицком, где имеет значение ‘болотистое место, пригодное для покоса; отдаленный покос; луг; низина’ [9]. Термин зафиксирован также в самом южном ливвиковском говоре Кондуши, причем в сформированном метатезой облике *ahlo*. Последний факт свидетельствует, видимо, о более широком ливвиковском ареале термина в прошлом, что, собственно, подтверждает и топонимия (см. ниже).

Из родственных прибалтийско-финских языков, судя по данным этимологического словаря финского языка *Suomen sanojen alkuperä* (далее SSA), термин *alho* ‘низина (в том числе такая, в которой стоит вода)’ известен финскому и под вопросом эстонскому [16]. При этом примечателен финский ареал слова – прежде всего западные говоры [15], в контексте которых оправдана и эстонская фиксация, однако требует пояснения карельская, отделенная ареально от западного финско-эстонского ареала. Как сформировался карельский ареал термина? Для ответа на этот вопрос полезно привлечь карельский топонимический материал, который обрисовывает несколько более широкую территорию, чем собственно лексический. Топонимная модель *Alho-* (рисунок) довольно продуктивна на юге Карелии, на ливвиковском Олонецком перешейке: угод. *Alho*

(Видл., Илляла), угод. *Alhoniityt* (Олон., Сеппювара), *Alhonsuo* (Олон., Тенгусельга), угод. *Alhoniityt* (Олон., Сорочья гора), угод. *Alhoniityt* (Олон., Тулосозеро), угод. *Alhot* (Олон., Самбатукса), угод. *Alho* (Видл., Сорбала), кол. *Alhonkaivo* (Видл., Кавайно), угод. *Alho* (Олон., Унойла), руч., угод. *Alhot* (Олон., Левендукса), угод. *Ristanalho* (Салм., Каркку). На территории южнокарельских приладожских говоров можно отметить по крайней мере две топонимические фиксации: угод. *Alhoniitty* (Суояр., Хаутавуара), пос. *Alho* (Имп., Куркиёки). Термин используется в названиях угодий, болот, покосов, колодцев, ручьев.

Ареал ливвиковской топоосновы *Alho-*

В Сямозерье обнаружено четыре топонима с основой *Alho-*, притом что сам термин на Сямозере неизвестен: руч. *Alhonoja ~ Alhond'ogi* и бол. *Alhonsuo* (Корза), пок. *Alhoniityt* (Ламбисельга), угод. *Alhot* (Пески), пок. *Algo* (Харитонова Гора). Топонимные фиксации позволяют вписать Сямозерье в единый ареал с более западными ливвиковскими говорами и одновременно констатировать, что термин не распространился за пределы Сямозерья на восток и север.

Итак, термин (в том числе с учетом топонимических фиксаций) характеризуется в карельском языке локальным ареалом, объединявшим в прошлом приладожские севернокарельские и – с учетом топонимических данных – подавляющее большинство традиционных ливвиковских говоров. Он не известен собственно карельским говорам Карелии и людиковскому наречию. Исходя из такого ареала следует полагать, что термин может быть относительным нововведением, инновационным словом,

распространившимся в ливвиковский ареал из Приладожья, куда, в свою очередь, пришел из более западных районов Финляндии вместе с выходцами оттуда.

Ареал указывает на плотные связи между собственно карельскими и ливвиковскими говорами в Приладожье. При этом отсутствие термина в собственно карельских южных говорах, тверских, тихвинских, а также представленных в средней Карелии и формировавшихся в ходе массового переселения карелов из Приладожья в XVI–XVII веках [1] позволяет полагать, что термин стал активно использоваться в Приладожье уже после XVII века. Его активности способствовало, очевидно, то, что места, характеризовавшиеся термином *alho*, были вовлечены в сельскохозяйственную деятельность. На них размещались сенокосы. Именно поэтому термин неоднократно воспроизведен и в топонимии.

В контексте приведенных рассуждений о термине *alho* и особенно его ареале обратим внимание еще на один сюжет. Вслед за Яло Калима этимологический словарь финского языка SSA указывает, что рус. диалектное *ольга* ‘болото’ появилось в результате заимствования в олонецкие говоры прибалтийско-финского термина *alho*. Здесь важно иметь в виду, что речь идет о лексеме, зафиксированной в Заонежье в былинном контексте: “Первая застава великая, *ольги* топучия”¹. Уже по соображениям ареального, изложенным выше, ливвиковско-севернокарельский термин *alho* вряд ли может выступать истоком заонежской лексемы. Как известно, говоры Заонежья ориентированы прежде всего на заимствования из смежных людиковских и собственно карельских говоров, но не более западных ливвиковских. С. А. Мызников, специально занимавшийся историей заонежской *ольги*, отвергает ее связь с приб.-фин. *alho* в связи с различием в типах вокализма – прибалтийско-финское [a] – русское [o]. Он же предложил – и вполне обоснованно – другой прибалтийско-финский источник – приб.-фин. ландшафтный термин *orko* ~ *orgo* ~ *org*, который широко усвоен в русские говоры Обонежья в виде *orga* ‘глухой, непроходимый участок леса, чащоба’, ‘густой ельник, еловая чаща’, ‘поросшая лесом низина’, ‘поросшая травой низина, используемая для покоса’, ‘лужа’; при этом в связи с широким распространением в русских говорах северо-запада мены [p] – [l] и [l] – [p] закономерно появляется фонетический вариант *ольга* [5: 264]. Иначе говоря, интерпретация русского заимствования в SSA неверна, приб.-фин. термин *alho* не является истоком русского диалектного *ольга*, что, заметим, согласуется полностью и с ареальной характеристикой термина в пределах ливвиковского языкового ареала.

Ареальная специфика термина *alho* особенно рельефно выясняется при сопоставлении с другим, семантически идентичным ландшафтным термином *alanko* ~ *alango*, имеющим общее прибалтийско-финское бытование: от эстонского и финского до карельского и вепсского. При этом в карельском языке слово представлено в равной степени во всех говорах, во всяком случае, на территории Карелии: ск. *alanko*, *alango*, *alinko*, ливв. *alando*, *alango* ‘ложбина, лощина, долина; сырой отлогий естественный луг на берегу озера или реки; поле, оставленное под покос’, люд. *lang*, *langišt* ‘низина’. Ср. фин. *alanko*, диал. *alanto*, *alanikko* ‘то же’. В некоторых финских диалектах имеется значение ‘огороженное пастбище, выгон’ [2].

Среди говоров, в которых зафиксирован термин, есть и сямозерские. Однако в топонимии Сямозера топооснова оказалась невостребованной. В материалах картотеки топонимов Карелии нет ни одного соответствующего топонимического примера. Почему? Ответ, видимо, следует искать в топонимной типологии, связанной, с одной стороны, с характеристикой термина, с другой – с востребованностью в хозяйственно-экономической деятельности населения тех мест, которые маркируются термином *alango*. Судя по той семантике, которая фиксируется словарями, термины *alho* и *alango* в принципе синонимичны, однако конкретно в Сямозерье в довольно широком семантическом поле термина *alango* смазан компонент значения ‘покос’, здесь это прежде всего ‘болотистое низинное место, которое весной затапливается водой’. Видимо, именно малым хозяйственным использованием и вызвана неактивность термина в топонимии.

ТОПООСНОВЫ *KURŽU-* И *KORZU-*

В топонимии Сямозерья представлены две фонетически близкие топоосновы, которые к тому же маркируют схожие в ландшафтном отношении местности: одна из них, *Kuržu-*, в названии сенокосного угодья и болота *Kuržu* или *Kuržunsuo* (Савиново), а вторая, *Korzu-*, в ряде топонимов, группирующихся в так называемой Корзинской низине – обширном мелиорированном болотном массиве на южном берегу оз. Сямозеро: дер. *Korzu* / рус. Корза, пок. *Korzančura*, *Korzanniitut*, возв. *Korzantägi*. Для прояснения причин и истоков разницы в фонетическом облике топооснов следует вписать каждую в свой топонимический ряд. Для первой это не представляет сложности, поскольку она восходит к ландшафтному термину, бытующему в карельских говорах: ск. *kuržo*, *kurzo*, ливв. *kurzo* ‘сырая болотистая низина, заросшая кустарником или низкорослыми деревьями; бурелом; овраг’ [9]. Последний, в свою очередь, закрепился в целом

ряде топонимов как на севере, так и в южных районах Карелии: зал. *Kuršunlakši* (Ухт., Ювалаакша; Ухт., Аконлахти), скала *Kuršunkallivo* (Ухт., Тихозеро), зал. *Kuršilakši* (Ухт., Катошламба), бор *Kuržmakangas* (Лоух., Вычетайбала), возв. *Kuršunvuara* (Ухт., Пиртигуба), оз. *Kuršamo* (Ухт., Лапукка), р. *Kuršumajoki ~ Kuršmajoki* (Ухт., Войницы), оз. *Kuržamojärvet* (Ухт., Юшкозеро), р. *Kuržund'ogi* (Святоз., Топорное Озеро), ур. *Kurzunbarakat* (Святоз., Кескозеро), оз. *Kuržulambi* (Святоз., Каскеснаволок), р. *Kuržud'ogi* (Святоз., Пельдожи), р. Куржа (Петр., Линдозеро). В этом списке присутствуют разные фонетические разновидности топоосновы, что позволило Д. В. Кузьмину расширить список говорных вариантов термина и внести в него дополнительно к отмеченным в KKS ск. *kursi*, *kurši*, ливв. *kuržu* [2]. Такая пестрота не является каким-то исключением, подобная фонетическая многогибкость присуща термину и в финских диалектах, где зафиксированы варианты *kursa* ‘низинное место, в которое весной собирается вода’, *kurso* ‘сырое место в низине, болото’, *kursi* ‘сырое, топкое место, болото’. При этом термин с этой семантикой последовательно фиксируется в восточных финских говорах. В северной Приботни *kursu* имеет значение ‘овраг, ложбина, в которой течет река’ [15].

В поисках происхождения финско-карельского термина исследователи склоняются к его саамским истокам, предлагая в качестве истока саам. *gur'šo* ‘глубокое ущелье, овраг с крутыми склонами’ [16] или прасаам. **korse* ‘расщелина, ущелье, овраг’, а возможность модификации значения саам. ‘ущелье’ → фин., кар. ‘болотистая низина’ протекает в русле универсальных семантических закономерностей [7: 108].

Вторая топооснова, *Korzu-*, с -о- во втором слоге и, очевидно, конечным -а- в основе (*Korzu* : Gen. *Korzan-*) не имеет такого убедительного апеллятивного соответствия в карельских говорах. С осторожностью, учитывая это обстоятельство, можно предположить, что топооснова не имела карельского апеллятивного истока, а досталась в наследство в качестве субстратного топонима от предшествующего населения с языком прасаамского типа. Косвенным доказательством может служить значимость самого объекта – обширной болотистой низины, протянувшейся на многие километры на водоразделе Сямозера и реки Шуи. С другой стороны, стоит обратить внимание на название дер. *Korzu*, возникшей в XVII веке практически в центре Корзинской низины. В соответствии с общей ойкономической типологией простые по структуре карельские топонимы содержат в основе либо географический термин, либо антропоним [3:

12]. В принципе, ойконим *Korzu* позволительно возвращать к антропониму прозвищного характера, восходящему к основе *korsa-* и называющему капризного, вздорного человека [16]. Однако для окончательного ответа требуются дополнительные изыскания. В картотеке топонимов Карелии отразилось, по крайней мере, еще два топонима с аналогичной основой: бол. *Korzan-suo* (вар. *Korzat-*) (Олон., Гушкала) и дер. *Korza* (Шунг., Вырозеро).

Таким образом, на фоне локальной, но фреквентативной в топонимии ливвиковской основы *Alho-* основа *Kuržu-* характеризуется широким, но разреженным бытованием в карельском языковом ареале. Ее малая продуктивность в топонимии связана, очевидно, с ограниченной востребованностью угодий, характеризуемых термином *kurzu / kuržu* в хозяйственной деятельности населения.

ДВА ТЕРМИНА С СЕМАНТИКОЙ ‘ЛУЖА’

В говорах Сямозерья бытует два термина, в семантическом поле которых центральное место принадлежит значению ‘лужа’. Это исконное прибалтийско-финское слово *uitto* и древнерусское заимствование *lyöžy*. Термин *uitto* известен во всех наречиях карельского языка: ск., ливв. *uitto*, *uite*, *uitti(e)* ‘крупная лужа; небольшой пруд или озерко; сырая ложбина или покос между возвышенностями; заливной покос на низком месте; легко заболачиваемое место; сырая долина’, люд. *uitto* ‘сырой узкий луг вытянутой формы между возвышенностями; промоины в обрывистом речном берегу’ [9]. Слово заимствовано в русские говоры: белом. *уйта* ‘удаленное (лесистое) место’, *уйто* ‘низинное место’, пуд. *уйта* ‘сенокос в лесистой низине’, арх. *уйта* ‘безлесое моховое болото’ [6: 47]. Термин продуктивен в топонимии, в том числе в ливвиковской: оз. *Uitonjärvi* (Видл., Ведлозеро), бол. *Uitto* (Видл., Тулокса), лужа *Šutinuitto* (Видл., Большие Горы), руч. *Lindu-uitto* (Видл., Погранкондуши), ложб. *Uitto* (Олон., Чимилицы).

В Сямозерье модель маркирует прежде всего низинные места, служившие сельхозугодьями: покосы на болоте *Garbalsellänuitto* и *Porohkaijanuitto* (Гарбалова Сельга), пок. *Otoinuitto* (Рубчейла), поле *Saviuitto* (Клещейла), угод. *Humalikonuitto* (Улялега), угод. *Kodiuitto* (Сямозеро).

В названии покоса *Lyöžy* или *Lyöžänniityt* (Ламбисельга) выступает утраченный современными сямозерскими говорами термин *lyöžy*, однако бытование его в прошлом на Сямозерье подтверждается материалами KKS: *lyöžö* ‘водянистое место, лужа’ [9]. Отмечается, что термин зафиксирован кроме Сямозера также

в Иломантси и Видлице, а в виде производного *lyözeikkö*, *lyöžeikkö* ‘водянистое место, место в лужах’ в Суйстамо и Ругозере [9]. При этом в говорах Приграничной Карелии (Иломантси, Суоярви, Суйстамо) у термина есть заднерядный вариант *luozo* ~ *luožo*, он известен и в территориально смежных ливвиковских Салми и Сямозере. Тем самым выявляется ареал, привязанный к собственно карельско-ливвиковскому пограничью. Кроме того, зафиксирован и третий фонетический вариант термина – *ložo*, бытовавший главным образом в собственно карельских говорах северной и центральной Карелии, но известный и на Сямозере [9]. Ареал дополняют восточнофинские говоры, где термин в виде *lyösä*, *lyösö*, *lösö* фиксируется неоднократно: ср. *lyösä* ‘грязная лужа’ (Кякисалми), ‘маленькая грязная лужа у дороги, которая в сухое лето высыхает’, ‘водянистая низина или низинная глиняная местность’, а также ‘возделанный покос’ (Руоколахти), *lyösö* ‘водянистая низина, сырая местность’ (Пиэллисъярви), *lyösö* ~ *luoso* ‘низина с водой’ (Куркиёки). На Карельском перешейке был широко представлен заднерядный вариант *luosa* ‘маленькое озерко, лужа, которая летом часто высыхает’, а также *lösö* ‘сырая скалистая местность’².

Этимологически термин является древнерусским заимствованием, восходящим к рус. *лужа*. На раннюю хронологию заимствования указывает дифтонг *ио* в карельском слове [8: 53]. По данным этимологического словаря финского языка, помимо карельского и восточных финских говоров термин засвидетельствован также в эstonском [16]. При этом ареал термина свидетельствует о карельском посредничестве в его усвоении в восточно-финские говоры или даже карельских истоках.

Обратимся теперь к топонимическому ареалу. Топонимические материалы, в том числе с территории Центральной Приботни на западе Финляндии, расширяют ареал исторического бытования термина и также подтверждают карельские корни слова в восточной Финляндии, поскольку топонимический ареал убедительно накладывается на территорию былого карельского присутствия – Северо-Западное Приладожье, Карельский перешеек, район Сайменских озер, а также узкий так называемый саволакский клин на границе центральной и южной Приботни (о карельском следе в восточнофинских диалектах см., например, [14]).

В свою очередь, на востоке топонимическое функционирование засвидетельствовано на Сегозере, а также Ведлозере: угод. *Luožo-*

oboda (Сегоз., Кармасельга), угод. *Luožopeldo* (Сегоз., Лосиная Гора), место *Doroganluožo* (Сегоз., Паданы), уроч. *Luožeikko* (Видл., Пертозеро), бол. *Luožijikko* (Видл., Видлица), угод. *Luožoiniitty* (Видл., Киннерма), родн. *Luodzoinouzemi* (Видл., Щукнаволок), бол. *Luodžoinsuo* (Видл., Ведлозеро) [2]. В этом же ряду и пок. *Lyöžy* или *Lyöžännyyt* на Сямозере (Ламбисельга). Он тяготеет к Ведлозерью, находясь, собственно, на водоразделе ведлозерского и сямозерского ареалов, и помечает юго-восточную границу ареала, тянущегося из Северного Приладожья. Тем самым доказывается, что забытое сейчас на Сямозере слово пришло сюда с карельским освоением, которое продвинулось на восток с территории Карельского перешейка. При этом подтверждается пограничность Сямозера: термин практически не вышел за его пределы на восток.

Термин явно не входит в число популярных в топонимии Сямозерья, что, очевидно, вновь связано с небольшой востребованностью характеризующих им ландшафтов в хозяйственно-экономической деятельности населения. В семантическом поле термина *lyöžy* превалируют сегменты ‘лужа (высыхающая летом или нет), озеро, водянистая низина’, а семантика ‘сенокос’ находится на самой периферии.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные в статье топонимные модели, производные от географических терминов, характеризующих низинные формы ландшафта, различаются своей активностью, продуктивностью, ареалом, возрастом и этимологическими истоками. Среди них как свои исконные лексемы (*uitto*), так и заимствования разного времени (*kuržu*, *lyöžy*). Ареальная характеристика явно указывает на прочные связи Сямозерья с Северным Приладожьем. При этом термины *alho* и *lyöžy* могут иметь в Сямозерье и в целом на ливвиковской территории примерно один возраст, причем относительно молодой.

Анализ показал также, что наиболее востребованными в топонимии на территории Сямозерья оказались основы *Alho-* и *Uitto-*, поскольку восходят к ландшафтным терминам, характеризующим места, обычно используемые под сенокосы. В то же время для терминов, на которых базируются основы *Kuržu-*, *Lyöžy-*, *Alango-*, семантическая составляющая ‘место, пригодное для сенокосного угля’ является маргинальной. Как следствие – перечисленные основы малопродуктивны в топонимии.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойкономическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Районы

Видл. – Видлицкий
 Лоух. – Лоухский
 Олон. – Олонецкий
 Петр. – Петровский
 Свят. – Святозерский
 Сегоз. – Сегозерский
 Ухт. – Ухтинский
 Шунг. – Шунгский

Географические термины

бол. – болото
 возв. – возвышенность
 дер. – деревня
 зал. – залив
 кол. – колодец
 ложб. – ложбина
 оз. – озеро
 пос. – поселок
 р. – река
 родн. – родник
 руч. – ручей
 угод. – угодье
 ур. – урочище

Языки, диалекты и говоры

арх. – архангельский
 белом. – беломорский
 диал. – диалектный
 кар. – карельский
 ливв. – ливвиковский
 люд. – людиковский
 прасаам. – прасаамский
 приб.-фин. – прибалтийско-финский
 пуд. – пудожский
 рус. – русский
 саам. – саамский
 ск. – собственно карельский
 фин. – финский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. М.; СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1905. Т. 2.

² Suomen nimiarkisto / Топонимический архив Финляндии, хранится в Центре родных языков (Kotimaisten kielten keskus), Хельсинки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.
- Кузмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии (рукопись). Петрозаводск: ИЯЛИ РАН, 2019.
- Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 356 с.
- Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
- Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35. 360 с.
- Aikio A. The saami loanwords in Finnish and Karelian. Oulu, 2009. 386 p.
- Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisen kielten slaavilaisista lainasanoista. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1952. 234 s.
- Karjalankielien sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.
- Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. Helsinki: SKST 516, 1990. 243 s.
- Kiviniemi E. Vääätet vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. Helsinki: SKST 337, 1977. 216 s.
- Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 s.
- Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen Kulttuurin Edistämässäätön julkaisuja, 1975. 382 s.
- Rapola M. Johdatus Suomen murteisiin. 4. painos. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990. 148 s.
- Suomen murteiden sanakirja. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36, 1985–2003. Osat 1–7.
- Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000. Osat 1–3.

Afanaseva A. A., Petrozavodsk State University, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

TOPONYMIC MODELS OF LAKE SYAMOZERO TERRITORY FOR LOWLAND NAMING*

Geographical terminology (including terms of lowland relief) is the most popular semantic group of vocabulary in the formation of toponyms. The article studies the toponymic stems of Lake Syamozero territory, that represent lowland relief (*Alho-*, *Alango-*, *Kurzu-*, *Uitto-*, *Lyözy-*). It also deals with the problem of linguistic and ethno-cultural relations of Lake Syamozero territory at different times. For this purpose, the etymological origins of the terms are considered, including both original Baltic-Finnish lexemes and borrowings of different times. Areas and ethno-linguistic processes are also analyzed. All terms differ in their semantic shades and age, and their toponymic activity also varies. It has been demonstrated that this activity is related to the character of the use of the place described by the term. The topicality and novelty of the research is in the use of the areal-typological method of the toponymic material analysis for solving ethno-historical problems. It has been proved that Lake Syamozero territory was connected with Karelian Ladoga area, through which Finnish and early Russian borrowings penetrated. Data from the toponymic field research card catalogue of the Institute of Language, Literature and History (Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences), and Toponymic Archive of Finland served as the source for the research. Explanatory and etymological dictionaries of the Karelian and Finnish languages were also actively used.

Key words: Karelian toponymy, toponymic models, area, Karelia, Livvi-Karelians, geographical term

* The publication was prepared as part of the Russian Foundation for Basic Research project No 19-012-00068A “Oikonomic system of Karelia: at the crossroads of tradition and innovation”.

REFERENCES

1. B u b r i h D. V. The origin of the Karelian people: The story of an ally and a friend of the Russian people in the North. Petrozavodsk, 1947. 52 p. (In Russ.)
2. K u z ' m i n D. V. Dictionary of Karelian folk geographical terminology (manuscript). Petrozavodsk, 2019. (In Russ.)
3. M u l l o n e n I. I. Essays on Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
4. M u l l o n e n I. I. Toponymy of Prisvirye: problems of ethnolinguistic contacts. Petrozavodsk, 2002. 356 p. (In Russ.)
5. M y z n i k o v S. A. Russian dialects of the Obonezhye region: areal and etymological study of the vocabulary of the Baltic-Finnish origin. St. Petersburg, 2003. 540 p. (In Russ.)
6. Dictionary of Russian folk dialects. St. Petersburg, 2001. Issue 35. 360 p. (In Russ.)
7. A i k i o A. The saami loanwords in Finnish and Karelian. Oulu, 2009. 386 p.
8. K a l i m a J. Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1952. 234 s.
9. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.
10. K i v i n i e m i E. Perustietoa paikannimistä. Helsinki, SKST 516, 1990. 243 s.
11. K i v i n i e m i E. Vääät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa Helsinki, SKST 337, 1977. 216 s.
12. K u z m i n D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, Unigrafia Oy, 2014. 346 s.
13. N i s s i l ä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, Karjalaisen Kulttuurin Edistämässäätiön julkaisuja, 1975. 382 s.
14. R a p o l a M. Johdatus Suomen murteisiin. 4. painos. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990. 148 s.
15. Suomen murteiden sanakirja. Helsinki, Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36, 1985–2003. Osat 1–7.
16. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000. Osat 1–3.

Поступила в редакцию 05.03.2019